

В рабстве рожденная

27 января 1944 года советские войска освободили самый страшный из фашистских «лагерей смерти» – Освенцим, что неподалеку от Кракова. О тех сорока гектарах смерти – печах, испепеливших миллионы людей только за то, что у них якобы был «не тот» состав крови, о газе-убийце «циклон Б», абажурах из человеческой кожи, волосах для набивки матрацев по цене 50 пфеннингов за кило – в назидание потомкам написана многотомная библиотека.

А были еще Бухенвальд и Треблинка, «образцовый» Дахау, «дамский» Ревенсбрюк, рабочие лагеря по всему третьему рейху, даровой труд людей «второго сорта», угнанных с Украины, из России и Белоруссии. «Работа делает свободным» – было написано на воротах Освенцима. Одним из обвинений, вынесенных нацистским преступникам на Нюрнбергском процессе, было, напомним, «установление системы рабского труда». Из пяти миллионов человек гражданского населения, вывезенных из Советского Союза на работы в Германию, от истощения и болезней погиб каждый четвертый.

За участие в Сопротивлении угоняли целыми семьями. У нас в области около шестисот человек имеют статус жертв национал-социализма. Одна из них – Мария Владимировна Овчинникова из Ярославля. Она, слава богу, в концлагере не была. У нее другая история.

ПАНИ МАРИЯ

Чуть свет завздыхали, на всю усадьбу замычали все двадцать пять коров фермера Баера, кормильца и правоверного подданного великого третьего рейха. Война ходит вокруг, но здесь, в Маровце, на окраине городка Брукса, еще тыл. Супруги Баеры – люди осмотрительные и однажды прочерный день тайком закопали за домом в глиняном кувшине семейные драгоценности, нажитые на мясе, молоке, коже для германской армии.

Но отчего все-таки так рано пробудились коровы? На что они жалуются? Или, может быть, радуются сегодняшнему Светлому пасхальному воскресенью?

Полька пани Баер берет пример с немцев: любит порядок и не преминула спросить о странном поведении коров у Валентины, пленной работницы из Белоруссии. У этой расторопной доярки коровы всегда и сыты, и ухожены, как, впрочем, и волы у ее супруга скотника Владимира. Явилась пани спозаранку во флигель, где Владимир и Валентина жили с четырьмя своими малолетними отпрысками, самому старшему из которых не исполнилось и десяти.

Едва ступив на порог, изумленная хозяйка всплеснула руками:

– О, езус Мария!

Валентине-то аист умудрился пятое дите принести в клюве, девчонку, и как раз на Пасху. Недаром в последнее время милостивая доярка так часто куталась в кофты да платки – ах, тихоня, а при встрече с хозяйками ускоряла шаг, наклонив голову, будто опасаясь, что многомудрая хозяйка по лицу узнает о ее тайне.

Первым делом велено было прислуге нашить пеленок-рас-

пашонок. А вечером хозяйка явились в гости, разодетые, как на праздник, блюдо крашенных яиц принесли. Важно расселись у стола. Разговор у них, правда, получился совсем не поздравительный.

– Платить мы вам как оstarбайтерам не можем. Знаем, что ваш средний отпрыск попрошайничает на улицах. Зачем вам еще один ребенок? Отдайте нам девочку.

Вместо ответа увидели хозяйка выставленную Валентину – как щитом от удара ею защищалась. На смеси польского с белорусским, как сумела, пояснила: дескать, лучше палец отрубите, не отдадите, хоть мы и рабы ваши.

Видно, проняло панове, оба сразу как-то сникли, повяли. Но все равно разговор закончил хозяйин просьбой, больше похожей на распоряжение свыше: не отдадите, ну, тогда прошу назвать новорожденную именем моей дражайшей супруги Марии.

– Вот на такое мы согласны, – с облегчением закивали родители, довольные мирным исходом переговоров на столь щепетильную и опасную тему.

Живущая сегодня в Карелии старшая сестра Марии Владимировны Фея, на чьих глазах была заключена шестьдесят лет назад та пасхальная сделка рабов и хозяев, нет-нет да и наступит на сестрицыню большую мозоль: «Как поживаешь, пани Мария?»

МУРАШКИ ПО КОЖЕ

Домой из плена летом сорок пятого добирались они чуть не месяц. По рассказам родителей Мария Владимировна знает: их долго мурыжили на фильтрационном пункте. Проверяли, не появилось ли в немецком плену у колхозников Владимира и Валентины Шило

из белорусской деревни Заберезь грехов перед советской властью. До Баеров Владимир работал в шахте – тут никакого криминала не обнаружили. Но однажды на допросе грозно зашевелились у следователя под очками белки:

– Стало известно, что вы, Валентина Шило, до воссоединения семьи какое-то время были работницей патронного завода. Это так?

– Так. Только патроны те были мирные, для электролампочек. Проверьте.

В общем, пронесло. Бывших военнопленных после войны у нас, дело известное, до самой перестройки держали за людей с изъяном. Попадали они из огня да в полымя: из освенцимов-майданков-бухенвальдов – на наш доморощенный каторжный лесоповал. И на гражданских репатриантов власти смотрели косо.

После возвращения домой отец строго-настрого запретил домашним вспоминать про плен. А когда выдался верный шанс уехать по оргнабору на лесозаготовки в Карелию, ухватился за него, как за соломинку утопающий. Продал выстроенный своими руками еще до войны дом на берегу Немана – и в путь, а детушек к тому времени у них с Валентиной стало аж восемь душ.

Марию крестили в два года, но все это время жила она все без метрики, на птичьих правах. Как позже поняла Мария Владимировна, медлили с этим тоже неспроста: береженого бог бережет. Дабы хоть как-то притенить вопрос с ее рождением, отец записал, что на свет божий его вторая дочка появилась в некоем селе Маровец отнюдь не на Пасху сорок четвертого года, а в том же году, только 18 августа.

– Почему именно восемнадцатого? – как-то спросила Мария родителя. Тот не захотел ничего объяснять:

– Да на всякий случай.

Но к тому времени дочь и сама была в состоянии разобраться, что к чему в истории ее появления на свет.

Мать привезла из плена беспричинные головные боли, отец – загадочную болезнь без диагноза, когда вздрагиваешь от включенной лампочки.

– Як мурашки по телу, – говорил он, не умея или не испытывая на то особого желания подробнее описать свой недуг.

В Карелию ехал он не навсегда. – Вот пообживемся, – бодрился, – и домой поедом. Время шло, а домой ездил он разве что во сне. Деревен-

Фото Вячеслава ЮРАСОВА.

ский плотник Владимир Шило так и провалялся в просторных карельских лесных угодьях до самой пенсии простым сучкорубом. У страха глаза велики. Вопрос в анкетах «Были ли вы или ваши родственники в плену или на оккупированной территории?» отменили ведь, кто помнит, только в 1992 году.

ДРАКОНОВ ОГОНЬ

– Война для меня до сих пор не кончилась! – с порога сказала Мария Владимировна Овчинникова, согласившись пообщаться.

Белорусская деревенька Заберезь, леса вокруг, под горкой красавец-Неман. Время настало лихое, бедолажное, никому здесь не до красот природы. Война гремит вдоль всей западной границы, по ночам окаем с той стороны нехорошо светится.

Заберезь обезлюдела: вооружившись кто берданками, кто топорами, вилами, лопатами, в партизаны ушли. Дом семьи Шило тоже стоял пустой. Владимир с Валентиной и детей в лес увезли, а они у них мал мала меньше, Мишка и вовсе еще барахтался в пеленках.

Вырыли в зеленой чащобе землянку побольше, зимовать собрались. Однажды немецкий

ястреб спикировал так низко, что чуть на верхушку дерева не сел. Словно осенние листья раньше срока, посыпались с веток листовки на русском языке. Мол, выходите, партизаны, из леса, возвращайтесь домой, ничего вам не будет, а если не выйдете – все погибнете.

Мужички покумекали сообща, сошлись на том, что фриц, знамо дело, не оставил им никакого выбора. Да и припасов все равно до снега не хватит. Все до дому вернулись.

Через пару дней затарахтели за околицей моторы, послышалась чужая речь. Новые хозяева не заставили себя долго ждать, вольготно расселись по хатам. На другой же день согнали мужиков на луг за деревней, пересчитали по головам, как скотину. На ночь заперли на гумне, охрану поставили с пулеметами. А с утра пораньше увезли всех на грузовиках невесть куда.

Один словоохотливый поллицай объяснил Валентине: всю ихнюю «партизанскую» деревню в наказание угонят на работы в Германию. Вскоре настал черед отправляться на чужбину и бабам с детьми, но, конечно, безо всякого скарба. Валентина прихватила с собой пару самодельных пуховых подушек, потом не раз Господа благодарил, что надумил. От лютого дорожного ветрого-

на в товарняке теми подушками и спасала детушек: одна служила матрацем, другая – одеялом.

На чужбине сразу попали они под сортировку. Завели Валентину с детьми куда-то вроде бани, всех остригли под ноль и донага раздели. Сперва они так и думали: баня. Оказались в тесном предбаннике. Откуда-то жаром несло по ногам.

Одна стена была затянута брезентом, но нижний угол по чьему-то недосмотру загнулся, и она увидела: там печь всюю полыхает.

– Тады смекнула я, что погибель наша настала, – повторяет мамин рассказ Мария Владимировна. – Живьем сожгут. Генка у нас был кудрявый, как Пушкин, и у меня волос черный, как у еврейки.

– Фамилия? – в полутьме басил чей-то голос.

– Шило!

– Чего-чего? Белорусска, что ль?

– А як же, добрый человек.

– На работы!

Схватили Валентину за окор, за шиворот то бишь, и вытолкнули из предбанника вместе с детьми.

Привезли их в городок под названием Брукс. Валентину зачислили на тот самый патронный завод. Трехгодовалого Мишку в бараке оставлять

было боязно, она умудрялась брать его с собой в цех – прятала в ящиках из-под деталей. Жили на одной похлебке. За побег – удавка. Виселицу ставили в лагере на самом виду, экзекуцию всегда проводили на людях – чтоб другим неповадно было.

«Мерли як мухи на липучке», – качала головой мама. Про свое житье-бытье на патронном заводе рассказывала она без подробностей: «Тяжко вспоминать, уж извините». Прото, как они снова свиделись с Володей: «Видно, была на то Господня воля».

Как-то подруга-землячка огоршила новость:

– А я знаю, где Володя твой. Получила письмо от брата. Неподалеку отсюда бок о бок на шахте вкалывают. Пиши заявление.

С детства Валентина любила шить подушки на кровати – нарядные думки. Находила для этого время и в неволе. Одну такую рискнула подарить какому-то клерку в офицерской форме и так ему угодила, что тот, уразумев ее просьбу, сделал ответный презент. Молча протянул ей бланк с просьбой о воссоединении с мужем, даже галочку, где подписать, поставил.

Так и оказались они всей семьей в Маровце, в усадьбе Баеров.

А тот драконов огонь изпод брезента и сегодня все никак не погаснет для пани Марии.

ПОЧЕМ ПОКАЯНИЕ

Может быть, оттуда, из пленочного детства, – как на духу призналась наша собеседница – и ее вечная манера не выносить на люди собственные беды и обиды, поглубже прятать чувства. Помнит, как в десятом классе ну не могла, и все тут, заставить себя даже взглянуть в сторону симпатяги-карела Володьки Пашкова. По уши в него влюбилась и, как знать, может, счастье свое прозевала. Та предательская дрожь в поджилках долго мешала ей жить.

С тех пор, как сподобилась она из карельской глубинки переехать в Ярославль, родной город мужа Вячеслава, только и делала, что по капле выдавливая из себя тот страх.

– Или выйдешь за меня замуж, или утоплю в Лососинке, – ласково шептал будущий муженек, имея в виду всем известную, весьма мелководную речушку в Петрозаводске.

Не испугалась-таки пани Мария выйти за такого шутника, оказавшегося к тому же и

неисправимым ревнивцем, царство ему небесное. Дочку родили, поставили на ноги, почти двадцать лет прожили вместе.

Теперь Марии Владимировне не кажется, в душе все так невыгорело, что, кроме нестихающей тревоги за взрослую уже дочь, больше никаких страхов у нее не осталось, а когда заходит речь о детях, она общий язык найдет в их защиту с кем угодно. Перейти в социальные педагоги Овчинникова с ее ма-рафонским стажем учителя-словесника недавно согласилась, можно сказать, не глядя. Помимо всего прочего я спросил пани Марию, какое в жизни у нее было последнее, самое горькое расстройство. Она отвечала:

– В семье избили девочку-второклассницу. Зла на них не хватает. Школа передала ходатайство в ее защиту сразу в рono, милицию и прокуратуру. Пусть попробуют еще раз тронуть.

За чаем вернулись к тому, с чего начали. Как может война кончиться для нее, если так называемый социальный патронаж распространяется у нас в области только на каждую десятую жертву национал-социализма – остальные, хоть уже и обследованные, по-прежнему остаются беспризорными.

– Или еще такой больной для меня вопрос, – пани Мария вынула из папки недавно полученную справку УФСБ о том, что семья ее действительно была насильно угнана в Германию и что там в 1944 году Мария Шило родилась. Поверх справки положила депешу из Москвы на правительственном бланке – уведомление, что ей, как дочери депортированных, причитается компенсация из германского фонда «Память, ответственность, будущее».

Так вот, вина третьего рейха перед семьей белорусского крестьянина Владимира Шило накругло оценена в пятьсот евро. Если Мария Овчинникова, говорит в письме, хочет эту сумму получить, то требуется подписать «текст отказа от дальнейших претензий к Федеративной Республике Германии». Немцы, спору нет, богоугодное дело затеяли, так почему бы и не получить?

Но подписать отказ от претензий рука у нее так все-таки и не поднялась. Выкладки экспертов фонда Мария Овчинникова обжаловала. Чуть побеспокоила их своими сомнениями. Мол, за все, что пережила ее семья в неволе, не слишком ли, люди добрые, легкое получается покаяние?

Юлиан НАДЕЖДИН.